

*Инна
Бачинская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц

Сериал «Детективный триумвират»

Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джопа
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон

Сериал «Дикие лебеди»

Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага

Сериал «Королевская охота»

Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»

Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории

*Инна
Бачинская*

Ищи,
КОМУ ВЫГОДНО

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Оформление серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Ищи, кому выгодно : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Детектив сильных страстей. Романы И. Бачинской).

ISBN 978-5-699-87911-3

Любовь не всегда приносит счастье. Иногда она может стать настоящим проклятием... Ирина еще в школе полюбила блистательного и харизматичного Стаса Гетманчука, но он бросил ее, уехав делать карьеру в Москве. Казалось бы, надо все забыть и жить дальше! Но Ирина сохранила свое чувство на долгие годы — его не затмили ни долгая разлука, ни неудачное замужество... И вдруг — новая встреча со Стасом! Потерпев неудачу в бизнесе, он вернулся в родной город, теперь занимает высокий пост в мэрии. И конечно, женат — на девчонке, ровеснице сына от первого брака! Однако это не помешало ему воскресить их школьный роман... Ирина понимала, что совершает ошибку, но ничего не могла с собой поделать. Их связь оборвалась страшно и нелепо: Гетманчука застрелили во дворе собственного дома...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87911-3

© Бачинская И.Ю., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Действующие лица и события вымышлены, их сходство с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

На исходе длинного теплого дня наступил не менее теплый вечер. После недели дождей наконец прояснилось, и появилась надежда, что погода «войдет в русло». Длинный двор в кольце старых, еще сталинской застройки, домов напоминал лабиринт — в нем было много потайных и укромных местечек, где находили приют вездесущие подростки или выпивохи. Он был хорош еще и тем, что здесь практически не гонял патруль — не то, что в парке напротив. И сейчас в беседке, в самой темной его части сидела компания молодых людей...

Человек вошел в арку, пересек темный двор. Приблизился к подъезду, и тотчас раздался негромкий хлопок выстрела. А затем — еще один. Человек качнулся, попытался удержаться на ногах, выбросив вперед руки и упершись в дверь подъезда, а потом тяжело осел на землю.

Убийца побежал через двор к арке, выходящей на улицу. Молодежь высыпала из беседки и подтянулась к подъезду; в это же время жилец дома вывел на прогулку собаку — золотистого ретривера Лорда. Жилец с трудом открыл входную дверь — убитый придавил ее своим телом. Первой в щель протиснулась собака. Обнюхав лежащего человека, она попятилась, подняла морду и завывала...

Глава 1

Встреча

То берег — то море, то солнце — то вьюга,
То ласточки — то воронье...
Две вечных дороги — любовь и разлука —
Проходят сквозь сердце мое...

*Булат Окуджава
Любовь и разлука.*

Она сразу почувствовала, что на нее смотрят. Здоровенный мужик стоял рядом и откровенно пялился. Она почувствовала, как вспыхнули щеки и шея, дернула головой и повернулась к нему спиной. Тут ей пришло в голову, что смотрел он вовсе не на нее, а мимо — на продукцию «Клуба сыра», а она уж разволновалась, дура. Сейчас никто ни на кого не смотрит, разве что старые козлы на полураздетых школьниц. Но школьницы при этом не краснеют и не дергают головой. Народ гуляет почти голый, не стесняясь обильных закрывков и целлюлитных ляжек. Всем на всех плевать.

Кажется, продолжает смотреть. Вот привязался! Она выпрямила спину, протянула руку за яркой упаковкой, притворилась, что внимательно читает. А взять и вызывающе посмотреть ему в морду — слабо? И тут он сказал:

— Ира, ты?

Низкий утробный бас, не бас, а настоящий рокот. Она резко повернулась. Вгляделась. Большой, солидный, он радостно смотрел на нее с высоты своего немалого роста. Седые виски,

широкая улыбка, узкие рысьи глаза. На правой щеке ямочка. Ее обдало жаром.

— Гетман?! Славик?!

Его школьное прозвище вырвалось у нее непроизвольно. Славик Гетманчук, Гетман! Она не видела его... Сколько же? Целую вечность. Лет двадцать... Нет, больше! Двадцать четыре года. Точно, двадцать четыре! Последний раз они виделись, когда она была на втором курсе истфака, а он на втором же юридического. Он тогда пришел и сказал...

— Ирушка! — загудел Славик. — А я смотрю и думаю: ты — не ты? Это сколько же времени прошло, а?

Он вдруг обнял ее, прижал к себе, громко чмокнул в макушку. Она вдохнула запах его рубашки и парфюма. И тела. Большого, теплого, respectable тела в дорогой рубашке. Прижаться к такому и — по жизни с песней! Мелькнула мысль, что вот ведь как удачно вышло: на ней новая юбка в оранжевую и коричневую клетку — давно забытый и ныне вернувшийся солнце-клевш — и коричневый свитерок с деликатными блестками на груди. И бирюзовые итальянские сандалии. Она нравилась себе в оранжево-коричневой расклешенной юбке и бирюзовых сандалиях.

Он отстранил ее от себя, сильно удерживая за плечи. Хотя она и не собиралась бежать. Улыбаясь, смотрел. Юношеская когда-то ямочка сейчас больше напоминала морщину, глубокую бороздку, но все равно! Все равно! Ласковый, снисходительный взгляд старшего товарища, победителя, ответственного за судьбы. Посвященного в рыцари удачи (или это что-то другое?), уверенного в себе. Он и в школе смотрел так же, и

сразу начинало казаться, что все будет хорошо. Не может не быть, если он рядом, держит за руку, смотрит ласково и снисходительно. Что остальные? Никакого сравнения! Мальчишки, подростки, хулиганы, дурачье. А он — солидный, вальяжный, знающий себе цену. Позже она говорила себе: успокойся, дуреха, подумай! Да что в нем, кроме стати? Не интеллигент, чувство юмора на нуле, кто такой Аксенов, не знает даже понаслышке, не говоря уж о других. Их время было временем толстых журналов, когда не знать было стыдно. Тогда все читали. А он не знал и не стеснялся. Вам, девушкам, все бы романы читать, говорил. Добродушно так говорил, необидно, снисходительно. Была в нем основательность, которая делала его мечтой всякой женщины. Аура была. Бабушки говорили: за таким, как у бога за пазухой. И деньги у него были, в отличие от других — чуть не все лето вкалывал на стройке. И девчонки-продавщицы оставляли ему импортные шмотки, и машина появилась на втором курсе, причем сам заработал — калымил в Сибири. Он делал себя сам, казалось — легко, играючи, с усмешкой. А однажды отпустил бороду — чисто тебе полярник, ученый-физик или геолог! Старушки крестились вслед, думали, батюшка.

Их время было временем героических профессий, а плохие парни — банкиры и бизнесмены — водились только в американском кино. То был век неискренности, веры и надежды. Они были девственны во всех смыслах.

А потом он пришел и сказал...

Они встречались с десятого класса, почти два года, девчонки завидовали, пытались перейти дорогу. Красавица Лидка Кулик, похожая на мальчика Наташка Сидоренко — первая

спортсменка школы. Наверное, были и другие. А ему — по барабану. Как и не знал, как и не догадывался. Все было как в той старой песне: и платье шилось белое... И так далее. А однажды он пришел и сказал — деловито, спокойно, без ложной неловкости... Неловкость, неуверенность, чувство вины — это были не его химеры. Он был человек прямой: хочу—не хочу, нужно—не нужно. Это же так просто! *Элементарно!* Его словцо...

Он пришел и сказал... Причем ничто не предвещало грозы. Да и грозы-то никакой не было, какая там гроза! Он отставил ее с деловитостью асфальтоукладчика — просто отодвинул. Сказал: понимаешь, у меня есть возможность перевестись в столицу, там у отца друг министр, обещает помочь. Жениться мне еще рано, сама подумай. Придется вкалывать. Это здесь, дома, можно дурака валять, а там — сама понимаешь. Приезжать часто не смогу.

Он смотрел на нее ласково и снисходительно, как старший брат. А она, испытывая мучительное чувство стыда, криво улыбалась, чтобы он, не дай бог, не догадался, как ей больно. Такие были у их поколения правила игры, а также женская гордость из романов, которых он не читал. Не выдать боли! А может, это ее дурацкий азиатский характер, от прабабки, по слухам — из астраханских татар. Главное — не потерять лица, — из-за этого ее всегда считали сильной женщиной. Какая там сильная! Один вид. И напрасно. Говорят, слабых и любят сильнее, и бросают реже. Она без меня пропадет, говорит он, а ты — сильная. Ну это уже потом, потом — жизнь, она длинная...

Конечно, рано, сказала она. Конечно, понимаю. Звони, не пропадай. И все это с приклеенной судорожной улыбкой. Элементарно. Тогда она еще не знала, что беременна.

— И ты не пропадай, — ответил он тепло. — Я позвоню, как устроюсь. — Он поднялся. — Завтра ехать, мать суетится, бабушка рыдает. Прямо как на фронт собирают. Полный *ералаш!*

Тоже из его словечек. Элементарно и ералаш! Все, что не элементарно, — ералаш. И наоборот.

Он засмеялся. Она тоже засмеялась, за что потом извела себя — надо было хранить высокомерное молчание. Но какое высокомерие, когда так больно?.. Смеешься, чтобы непослушные мускулы лица не расплзлись в гримасу.

— И барахло еще укладывать! — добавил он все с той же ласковой улыбкой и ушел.

Только после его ухода исчезла приклеенная улыбка и глаза стали как у побитой собаки. Разумеется, она бросилась к зеркалу. Свет мой зеркальце, скажи... А чего говорить, все и так видно. Растерянная физиономия, несчастные глаза. Потом рыдания в подушку, и наутро — красный, распухший нос. И одно лишь утешение: не разревелась при нем! Не дала понять, не показала, не выдала, не унизилась. Улыбалась. Аве, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя! Молодец! Всегда есть хоть какое-то утешение, а как же иначе! Всегда. Не потерять лица.

Страницы из дневника про историю любви она потом вырвала и сожгла. Да и писать перестала на всю оставшуюся жизнь. Вся остальная жизнь того не стоила. То острое, первое, до нервной горячки и обморока от звука родного голоса, больше не повторилось. Жгла и выхватывала обрывки слов, дотлевавшие в пальцах. «Люблю... никогда... Слав... .. вместе! Навсегда... счастье... Ни за что!»

И все. Вся любовь.

Она позвонила ему как-то, выдержав борьбу с собой. Пришлось позвонить, у нее не было выхода, так сложились обстоятельства и легла карта. Убеждая себя: а что тут такого? Мы же друзья. Друзья мы! И одноклассники. Тем более все спрашивают, интересуются. Привет передают. *Элементарно*. Взяла номер у его бабушки и позвонила. Ирушка, как же у тебя нет телефона Славочки, удивилась бабушка. Сейчас принесу! Записывай.

Надеялась: а вдруг? Вспомнит, поймет, потянется. И тогда она скажет ему...

— Ирка! — закричал он радостно. — Ты?

Привычное «Ирка, ты?» кольнуло в сердце. Радость в его голосе тронула ее, в глазах зашипало. Показалось, что все ее проблемы замечательным образом разрешились.

— Как ты? Что нового? Кого из наших видела? — тормозил он. — Кто в городе? Замуж еще не вышла?

«Замуж не вышла?» Ей показалось, он ударил ее. Отсек от себя окончательно и бесповоротно. После истории их любви, пусть детской, его равнодушное «замуж не вышла?» прозвучало с убедительностью пощечины.

Она так ничего ему и не сказала. Не посмела. Боялась потерять лицо. Да и что было говорить?

Уймись, дура, приказала себе. Он ничего не хочет о тебе знать. Он чужой. Он не позволит тебе признаться... Дурацкое слово — «признаться», разве это преступление? Явка с повинной? Сказать и услышать, как он, перестав дышать, начнет мямлить в ответ какую-то чушь? О своих больших планах и надеждах, в которые она не вписывается? Хотя нет, мямлить он не будет. Он четко и ясно скажет... Что же он скажет? Най-

дет, что. Он всегда знает, что сказать. Человек без химер. Прямой как штык.

Значит — забыть! Не смей реветь! Не смей распускать сопли! Жизнь продолжается. «Соберись», — как говорила их школьная математичка. Соберись и реши эту чертову алгебру! Соберись и живи дальше. Все равно деваться некуда...

— Как ты, Иренок? — Он смотрел все с той же улыбкой. — Выглядишь прекрасно, даже красивее, чем была!

Он действительно был рад ей. Все еще держал за плечо. Рука у него была большая и горячая. Надежная рука большого человека. Тяжелая артиллерия. Улыбка, на щеке — ямочка-тире, глубокая бороздка — на месте. Узкие рысьи глаза — каре-зеленые, веер морщинок. Все то же. Только с поправкой на время...

— Нормально. А ты?

Ей не понравился собственный голос — тонкий и неприятный. Она кашлянула. Неужели волнуется? Девчонка! Еще не хватало покраснеть. После четверти века...

— В порядке. А ты как, на каникулах? Или...

— Или. Я здесь живу. А ты по-прежнему в столицах?

— Был. И там, и за границей пять лет, у меня был завод электроники. Заводик. Уже нет. Вернулся. Знаешь, наступает время собирать камни — так, кажется, в Библии? Ты не спешишь?

Они стояли друг против друга в залитом мертвенным светом дневных ламп зале магазина. Она мотнула головой. Он взял у нее из рук упаковку сыра, положил на место и за руку повел из магазина. Так они и шли: он впереди, она — за ним,

отставая на шаг. Так она когда-то представляла себе их жизнь: он, большой корабль-флагман, впереди, она – в фарватере, следом, как маленькая послушная лодочка...

Не получилось, потому что он пришел и сказал...

Сказал честно и прямо, как честный и прямой человек. За одно это он достоин уважения – мог ведь сбежать, правда? Тогда было бы еще хуже. Иными словами, то, что он пришел и сказал, наверное, лучше, чем если бы не пришел и не сказал, а просто сбежал. Она так и не решила для себя, что же лучше. Что лучше – надеяться или сразу по-живому? Черт его знает! Тут, видимо, вопрос не в том, что лучше, а в том, кто как может, а в результате все едино.

Всяк, кто любил, любимых убивал... Как там дальше? Жестоким словом иль ножом фазил он наповал... Отважный взмахивал клинком, трусливый прятал взгляд...¹

Летний день клонился к закату. В природе царила томная предвечерняя неподвижность. Ни ветерка, ни шелеста. Даже звуки улицы притупились и почти растворились в густом воздухе.

– Пошли посидим где-нибудь, не против? – От его улыбки перехватывало дыхание. Словно не стояло между ними двадцати... четырех? пяти? бесконечных коротких лет. – Тут рядом есть погребок «Детинец», помнишь, мы бегали на переменах перехватить? У них были сосиски, коржики, пиво и шампанское. – Он рассмеялся. – А помнишь, как мы отмечали день рождения Макса? Взяли две бутылки, по сосиске... Сколько же нам тогда было?

¹ О с к а р У а й л ь д. Баллада Редингской тюрьмы.

— Мы были в восьмом классе...

— Точно! В восьмом! Два пузыря на семерых, и казались себе страшно крутыми. А тетка-уборщица стала ругаться, что расшумелись и несовершеннолетние. Помнишь, как орала?

Она помнила. Шампанское ударило в голову, она тогда хохотала под злобным взглядом сумасшедшей старухи, которая с остервенением возила мокрой тряпкой по их ногам и бормотала что-то беззубым ртом.

Славик был за старшего. Он купил шампанское, ему не посмели отказать.

— За тебя, Макс! — сказал он, поднимая бокал. — Расти большой и не кашляй!

Они так и покатались, хотя, скажи такое кто другой... В том-то и дело, что Славик был Славик, а не кто другой. Что можно Гетману, того нельзя... быку! Все, что говорил Славик, было уместно, к слову и весоמו. И смеющиеся узкие каре-зеленые глаза, и улыбка, и ямочка — все было уместно. Она, разогретая шампанским, смотрела на него в упор, и он вдруг подмигнул ей. Ее трягнуло током...

Глава 2

Прошлое и настоящее

— Шампанского? — спросил он. — За встречу!

Шампанское было слишком сладким. Но зато холодным. Пузырьки стреляли в нос, фужер запотел. Славик смотрел, прищурившись, словно оценивал.

— Ты как? Замужем? Дети? Я помню твою маму...

- Мамы нет. Мужа тоже нет. Детей... нет.
- Но ты же была замужем?
- Была. Муж погиб, разбился на машине шесть лет назад.

Она не сказала, что муж, Игорь, был в машине не один, а с женщиной. Погибли оба. Горе превратилось в фарс. Как должна реагировать жена на гибель мужа и его любовницы? Рыдания во время похорон неубедительны. Да и вряд ли уместны. Любопытные взгляды присутствующих просто неприличны. Их хоронили в один день, но в разное время. Игоря в двенадцать, ее в четыре. Женщину эту звали Клара, она преподавала музыку и была на пять лет старше, как общила ей школьная подружка-соперница Лида Кулик. Старая дева, блеклая, пугливая, никакая. У нее и семьи-то не было, одни коллеги. Для Ирины долго оставалось загадкой, почему именно эта женщина? Что она давала Игорю? Повышала самооценку? Играла на фортепьянах любимую «Оду к радости»? Что? Эта женщина в качестве любовницы мужа была оскорбительна! В свое время Лидка тоже пыталась подкатиться к нему, а он выбрал Клару. Даже имя ее отдавало нафталином. Неисповедимы пути влечения...

Лида держала ее за руку своей решительной и сильной рукой. После похорон они подружились. Не за кого больше было сражаться. Лидин муж Кирюша был какой-то квелый и неубедительный, вечно озабоченный, весь в мыслях о прокорме семейства. А в ней сидел черт. Глаз горел, особенно после рюмки коньяку, язык развязывался, щеки пылали, тосты становились все опаснее. «За мужчин!» «За настоящих любовников!» Муж, улыбаясь, смотрел на Лиду, исправнопил. Однажды она ляпнула: «За оргазм!» Все, не сговариваясь, по-